

В деле «Евгений Гусев против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Мирьяна Лазарова Трайковска,

Юлия Лаффранк,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, *судьи*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

проведя 12 ноября 2013 г. совещание по делу за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 28020/05), поданной в Суд 19 июля 2005 г. гражданином России Евгением Петровичем Гусевым (далее - «заявитель») против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция»).

2. Интересы заявителя в Суде представляла С. Мазаева — адвокат, практикующий в г. Волгограде. Интересы Властей Российской Федерации (далее - «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, будучи лишенным еды и сна в течение нескольких дней, когда его перевозили в здание суда для участия в судебных заседаниях, что его содержание под стражей было незаконным и не имело достаточных оснований, и что судебный пересмотр законности содержания его под стражей не был эффективным.

4. 11 марта 2010 г. жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1952 г. и проживает в г. Волгограде.

А. Задержание заявителя и его содержание под стражей в период проведения расследования

6. На момент рассматриваемых событий заявитель занимал должность Президента открытого акционерного общества «Восток-Плюс», которое являлось акционером ООО «Авиакомпания Волга-Авиаэкспресс».

7. 30 июля 2003 г. прокуратурой Волгоградской области было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества с воздушным судном Як-42.

8. 3 октября 2003 г. следователь предъявил обвинение заявителю *in absentia* (заочно) и объявил его в федеральный розыск.

9. 6 октября 2003 г. заявитель был объявлен в международный розыск.

10. 8 октября 2003 г. Центральный районный суд г. Волгограда (далее - «Центральный районный суд») заочно вынес решение об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу по подозрению в совершении мошенничества. Центральный районный суд постановил следующее:

«... После возбуждения уголовного дела [заявитель] скрылся из г. Волгограда.

На основании оперативной информации [представленной правоохранительными органами] о пребывании [заявителя] в Великобритании или Канаде, 6 октября 2003 г. он был объявлен в международный розыск.

... Суд считает необходимым удовлетворить ходатайство следователя о [об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу], так как [заявитель] стремился скрыться от следствия, был объявлен в международный розыск и мог затруднить установление истины по данному делу. Суд также учитывает тяжесть обвинений, [предъявленных заявителю].»

11. В тот же день заявитель был задержан в г. Волгограде, ему были предъявлено обвинение, и он был заключен под стражу на основании вышеупомянутого постановления.

12. Точное время и место задержания заявителя являются предметом спора между сторонами. Согласно протоколу, составленному сотрудником милиции, заявитель был задержан в центре Волгограда 8 октября 2003 г. в 6 часов вечера и затем доставлен в прокуратуру Волгоградской области. По утверждению заявителя, до 7 октября 2003 г. он не знал о том, что в отношении него возбуждено

уголовное дело. Как только он узнал об этом, он явился в следственный отдел Волгоградской областной прокуратуры, где был задержан около полудня 8 октября 2003 г. В ходе последующих разбирательств несколько свидетелей подтвердили версию событий, изложенную заявителем.

13. 8 декабря 2003 г. Центральный районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 30 марта 2004 г. на следующих основаниях:

«... Суд считает ходатайство [следователя о продлении срока содержания под стражей] обоснованным и удовлетворяет его, так как [заявитель] был объявлен в международный розыск и, следовательно, мог скрыться от следствия и суда. Суд также учитывает тяжесть обвинений».

14. 20 февраля 2004 г. заявитель был дополнительно обвинен в фальсификации, преднамеренном банкротстве, уклонении от уплаты налогов и дополнительном эпизоде мошенничества.

15. 15 марта 2004 г. Центральный районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 30 мая 2004 г. Суд полагался на тяжесть обвинений, выдвинутых против заявителя, и тот факт, что до его задержания он был объявлен в международный розыск, что давало суду достаточные основания полагать, что, находясь на свободе, заявитель может препятствовать расследованию дела. Суд постановил, что применение меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, не представлялось возможным. Суд отклонил аргумент заявителя о том, что процедура объявления подозреваемого в международный розыск в данном случае не была соблюдена. По мнению суда, пока соответствующие решения не были объявлены незаконными, объявление заявителя в розыск являлось действительным.

16. 31 мая 2004 г. материалы уголовного дела в отношении заявителя были переданы в Дзержинский районный суд г. Волгограда (далее - «Дзержинский районный суд») для рассмотрения по существу.

Б. Содержание заявителя под стражей до суда

1. Содержание под стражей в период с 30 мая по 14 июня 2004 г.

17. 30 мая 2004 г. истек срок содержания заявителя под стражей, установленный решением от 15 марта 2004 г. До 14 июня 2004 г. не было вынесено иного решения относительно его содержания под стражей (см. пункт 21 ниже). Однако заявитель оставался под стражей.

18. В неустановленную дату 2005 г. заявитель потребовал выплаты компенсации за незаконное содержание под стражей с 30 мая по 14 июня 2004 г.

19. 27 марта 2006 г. Центральный районный суд признал, что заявитель в течение вышеупомянутого периода содержался под стражей без судебного решения, и присудил ему компенсацию в размере 5 000 российских рублей (около 150 евро по курсу, действующему на тот момент).

20. 26 апреля 2006 г. областной суд оставил это решение без изменения.

2. Содержание под стражей в период с 14 июня по 26 октября 2004 г.

21. 14 июня 2004 г. Дзержинский районный суд назначил дату предварительного слушания по уголовному делу и постановил, что мера пресечения, применяемая к заявителю и трем другим подсудимым, «должна остаться без изменений».

3. Содержание под стражей в период с 26 октября по 30 ноября 2004 г.

22. 26 октября 2004 г. Дзержинский районный суд назначил день начала судебного процесса и постановил, что мера пресечения в отношении заявителя и трех других подсудимых «должна быть оставлена без изменений». Заявитель подал ходатайство об освобождении из-под стражи, но оно было отклонено на следующих основаниях:

«[Заявителю и трем другим подсудимым] предъявлены обвинения в совершении тяжких преступлений, влекущих за собой наказание в виде длительного тюремного заключения. Мера, связанная с лишением свободы, была применена к [ним] во время предварительного следствия после оценки личностей обвиняемых, их состояния здоровья и тяжести [предъявленных им] обвинений. Доводы подсудимых и их представителей о незаконном применении меры пресечения в виде заключения под стражу... не могут быть приняты во внимание, так как данный [вопрос] не является предметом настоящего слушания».

23. Заявитель обжаловал вышеприведенное решение в части, имеющей отношение к мере пресечения в виде заключения под стражу, утверждая, что в этом нет необходимости на данном этапе судебного разбирательства. Другие подсудимые также подали жалобы. Первое заседание в суде кассационной инстанции было назначено на 21 декабря 2004 г., но было перенесено по ходатайству стороны защиты, поданному в тот же день, так как двое из адвокатов подсудимых не были вызваны на слушание в надлежащем порядке.

24. 25 января 2005 г. областной суд в кассационном порядке оставил без изменения решение от 26 октября 2004 г. Суд отметил следующее:

дни слушаний его не кормили - ни в следственном изоляторе, ни в здании суда.

35. В соответствии с показаниями Властей, заявитель доставлялся в здание суда в следующие дни:

Год:	Даты:	Запланированное время судебных заседаний:
2004 г.	21, 22, 25 и 28 июня	10.00.
	5 июля	10.00.
	14, 20 24, 27 и 28 сентября	10.00, 10.00, 11.00, 11.00 и 11.00, соответственно
	4, 19, 25, 26 октября	14.30, 12.00, 11.30 и 12.00, соответственно
	9, 22 и 30 ноября	10.00, 11.00 и 11.00, соответственно
	20 декабря	10.30
2005 г.	31 января	10.00.
	7, 8, 14 и 25 февраля	11.00, 15.00, 15.00 и 14.00, соответственно
	18, 28 и 29 марта	11.00, 15.00 и 13.00, соответственно
	8, 11, 12, 13, 15, 18, 20, 21, 22 апреля	12.20, 14.00, 12.00, 11.00, 11.00, 11.00, 10.30, 11.00. и 11.00, соответственно
	11, 12, 13, 17, 20, 27 мая	12.00, 10.30, 12.00, 11.30, 12.00 и 11.00, соответственно
	3, 6 и 7 июня	10.30, 11.00 и 11.00, соответственно

36. Власти указали, что в дни транспортировки заявителя в здание суда его будили в 6.00, как обычно. Как правило, его возвращали в СИЗО до 22.00. Изредка, когда заявителя возвращали в СИЗО после 22.00, ему разрешалось спать в любое время в течение следующего дня. Власти не смогли предоставить информацию в отношении точного времени возвращения заявителя в следственный изолятор из суда, так как соответствующая документация была уничтожена в 2006 и 2009 г.х ввиду истечения срока хранения таких документов, но они подтвердили, что суд работал с 9 утра до 6 вечера.

37. По утверждению Властей, в дни, когда заявителя отправляли в районный суд, он получал стандартный завтрак перед отправлением из СИЗО и сухой паек (хлеб или сухое печенье, первое и второе блюдо в консервах, сахар, чай, пластиковые ложку и стакан), в соответствии с действующими нормами. В «помещении для ожидания» следственного

«Аргументы подсудимых... в отношении первоначального незаконного применения меры пресечения в виде заключения под стражу... не могут быть рассмотрены судом... [на данном слушании]. Решения, принятые судом в этом отношении, уже вступили в законную силу... и могут быть обжалованы только в ходе пересмотра в надзорном порядке».

25. После жалобы, поданной одним из подсудимых, 14 апреля 2005 г. Президиум областного суда отменил кассационное определение от 25 января 2005 г. в порядке надзора, на том основании, что суд низшей инстанции не рассмотрел доводы, представляющие препятствиями подсудимых.

26. 19 июля 2005 г. областной суд, рассмотрев кассационную жалобу на решение от 26 октября 2004 г., оставил его без изменений.

4. *Содержание под стражей в период с 30 ноября 2004 г. и осуждение заявителя 7 июня 2005 г.*

27. Тем временем, 30 ноября 2004 г. Дзержинский районный суд принял срок содержания заявителя и других трех подсудимых под стражей на три месяца - до 28 февраля 2005 г. Он постановил следующие:

«Обстоятельства, которые привели к применению меры пресечения в виде содержания под стражей, не изменились. Ссылка подсудимых на тот факт, что они не могли оказать давление на свидетелей или пострадавших, так как предварительное следствие закончилось, и что они не будут скрываться от правосудия, так как у них нет прежних судимостей и они не представляли опасность для общества, не может быть принята судом, так как на настоящий момент судебное разбирательство еще не начато и суд не начинал рассмотрения доказательств, включая изучение показаний свидетелей и пострадавших...»

При данных обстоятельствах суд не находит оснований для изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую...»

28. 25 февраля 2005 г. Дзержинский районный суд продлил срок содержания под стражей заявителя и трех других подсудимых на три месяца до 28 мая 2005 г., несмотря на то, что сторона обвинения более не считала это необходимым и предлагала освободить их под подписку о невыезде:

«Подсудимым предъявлены обвинения в тяжких преступлениях, влекущих наложение в виде длительного тюремного заключения. Мера, связанная с содержанием под стражей, была применена [к ним] после рассмотрения их личностей, состояния здоровья, семейного положения, наличия иждивенцев и тяжести предъявленных им обвинений. Суду не были представлены какие-либо медицинские справки о том, что подсудимые не могут содержаться в следственном изоляторе по состоянию здоровья.

Обстоятельства, которые привели к применению меры пресечения в виде заключения под стражу, к настоящему времени не изменились. Утверждения подсудимых о том, что они не могут оказать давление на свидетелей и пострадавших, так как большинство из них были допрошены судом, что они не скроются от правосудия, так как у них нет предыдущих судимостей, и

изолятора и охранной зоне суда заявителю по запросу давали горячую воду (необходимую для приготовления сухого пайка). В случае возвращения в СИЗО до 21.00, заявитель получал обед и/или ужин, в зависимости от времени его возвращения. В подтверждение своих заявлений Власти представили свидетельство, выданное начальником ИЗ-34/1 7 мая 2010 г., вместе с *рапортами* о сухих пайках в отношении определенного числа заключенных, подлежащих транспортировке в суд, и *накладными* об их предоставлении. Рапорты были составлены дежурным офицером. Накладные были подписаны начальником и главным бухгалтером СИЗО, а также офицерами, выдававшими и получавшими сухие пайки. Указанные документы включали большинство из соответствующих дат. Власти также представили меню столовой СИЗО за соответствующий период.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

38. Соответствующие положения национального законодательства и правоприменительной практики в отношении мер пресечения, включая содержание под стражей, судебное разбирательство с целью рассмотрения законности содержания под стражей и права заключенных на бесплатное питание и восемь часов непрерывного сна, определены в постановлении Суда по делу «*Стрелец против России*» (*Strelets v. Russia*) (жалоба № 28018/05, пункты 37-46, 6 ноября 2012 г.).

39. В Годовом отчете Уполномоченного по правам человека в Волгоградской области за 2005 год (www.volganet.ru/volgobl/society/upch/folder_4/folder_1/), пункт 2.10, в соответствующих частях приведено следующее:

«Уполномоченный по правам человека обеспокоен текущими проблемами в отношении предоставления подозреваемым и обвиняемым нормального питания в дни их транспортировки для участия в следственных действиях или судебных слушаниях...

В соответствии с данными, [предоставленными] УВД Волгоградской области, непредоставление питания в ходе следственных действий и судебных слушаний, а также непредоставление восьми часов сна ночью в действительности подтвердились. Одной из причин этого являлась нехватка тюремных фургонов. В соответствии с официальными данными, в 2005 г. правоохранительным органам области были предоставлены [дополнительные] тюремные фургоны, но аналогичные жалобы продолжали поступать...

В некоторых жалобах заключенные указывали, что в дни, [когда они должны посещать] суд, им выдаются сухие пайки, но не предоставляется горячая вода...

40. Отчет «Права человека в регионах Российской Федерации» за 2006 г. (том 1, стр. 95), подготовленный группой российских

они не представляют опасности для общества, не могут быть приняты судом ввиду того, что к настоящему времени судебное разбирательство еще не завершено и не изучены в полном объеме все свидетельства. Доказывание подсудимыми их невиновности... не может обосновать изменение меры пресечения в виде содержания под стражей на более мягкую, так как суд еще должен рассмотреть все доказательства и прийти к выводу о виновности или невиновности подсудимых...»

29. Тем временем, 27 мая 2005 г. Дзержинский районный суд продлил срок содержания заявителя и трех других подсудимых под стражей еще на три месяца - до 28 июня 2005 г. Заявитель подал кассационную жалобу.

30. 4 октября 2005 г. областной суд, рассмотрев кассационную жалобу на решение от 27 мая 2005 г., оставил его без изменения.

С. Осуждение заявителя и его освобождение

31. 7 июня 2005 г. Дзержинский районный суд признал заявителя виновным в совершении мошенничества, преднамеренном банкротстве и уклонении от уплаты налогов и приговорил его к четырем годам лишения свободы. Оглашение приговора заняло четыре часа - с 20.30 до 00.30 следующего дня. Просьба заявителя и других подсудимых разрешить им сесть во время оглашения приговора была отклонена.

32. 4 октября 2005 г. областной суд внес поправки в постановление в кассационном порядке. Суд признал заявителя невиновным в совершении преднамеренного банкротства, постановив, что исполнение приговора в отношении заявителя должно быть временно приостановлено и заявителю должно быть назначено условное наказание.

33. 5 октября 2005 г. заявитель был освобожден.

Г. Утверждения о непредоставлении достаточного питания и лишении сна в дни судебного разбирательства

34. В течение разбирательств по уголовному делу заявитель содержался под стражей в СИЗО ИЗ-34/1 г. Волгограда. По утверждению заявителя, в дни судебных слушаний его будили в 6 часов утра, отводили из камеры в «помещение для ожидания» или «камеру для сбора», вместе с другими заключенными, у которых было слушание в тот же день, и позже препровождали в охраняемую зону здания суда. Заявителю приходилось ожидать там в течение многих часов, иногда почти до конца дня, пока начнутся судебные слушания. Позже вечером его конвоировали назад в СИЗО. Если слушание было назначено и на следующий день, ему вновь приходилось рано вставать, терпеть длительные перевозки и позднее возвращение в изолятор. В

региональных НПО в 2007 г. (www.mhg.ru/publications/A1AD8CC), в соответствующих частях содержит следующее:

«Как указано Уполномоченным по правам человека в Волгоградской области... проблема питания (предоставляемого лицам, содержащимся в предварительном заключении в Волгоградской области) была решена только недавно. До внесения текущих [изменений], если заключенный транспортировался для следственных действий или судебных слушаний, ему не предоставлялся завтрак, обед и иногда ужин. Сухие пайки, выдаваемые в такие дни, не могли быть приготовлены, так как заключенным не предоставлялась горячая вода. Данная проблема была решена только после вмешательства Уполномоченного по правам человека».

41. После расследования, осуществленного в 2003 г., руководитель Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по г. Москве (ответственный за все СИЗО г. Москвы) 26 ноября 2003 г. подготовил отчет. В частях доклада, имеющих отношение к настоящему делу, говорится следующее (как указано в решении Европейского Суда от 12 января 2006 г. по вопросу приемлемости жалобы № 42239/02 *«Старокадомский против России»* (*Starokadomskiy v. Russia*)):

«При убытии в суд каждому заключенному выдается сухой паек под роспись... В этот день заключенный снимается с котлового довольствия. Состав сухого пайка определяется с учетом санитарных требований и пищевых потребностей и... включает в себя приготовленные первые и вторые блюда, которые не нужно готовить и которые могут употребляться в качестве завтрака, обеда или ужина...

Заключенные выводятся из [их] камер после 6 часов утра - в частности, для транспортировки в суды - но не возвращаются в [свои] камеры до 10 часов вечера. Управление Федеральной службы исполнения наказаний России по г. Москве требует [решить] проблемы, связанные с установленными нарушениями, совершенными конвойным батальоном (несвоевременное возвращение из судов, переполненные тюремные фургоны, использование несанкционированных маршрутов). В 2002 г. установленные нарушения порядка перевозки заключенных неоднократно доводились до сведения командования конвойного батальона милиции — главным образом [такие нарушения имели место] из-за несвоевременного возвращения из здания суда. Такие нарушения также имели место в первом квартале [2003 г.]; в связи с этим 4 марта 2003 г. в конвойный батальон было направлено замечание по поводу несвоевременного возвращения заключенных из здания суда (после 22:00) в январе и феврале 2003 г. В последнее время подобных нарушений, связанных с возвращением задержанных после 22:00, не наблюдалось».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

42. Заявитель жаловался, что он подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению посредством лишения еды и нормального сна в дни участия в судебных заседаниях. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

43. Власти утверждали, что заявитель не исчерпал имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты, так как он не жаловался в компетентные национальные органы на предполагаемое нарушение его прав согласно статье 3 Конвенции. Процедура подачи подобных жалоб изложена в главе 25 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, что разъясняется в постановлении № 2 Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. Ссылаясь на Резолюцию № CM/ResDH(2010)35, принятую на 1078-ом заседании Комитета министров Совета Европы, Власти также отметили, что статистика и число дел, представленных Комитету, демонстрировали возрастающую практику присуждения судами РФ компенсации за моральный вред, причиненный неудовлетворительными условиями содержания под стражей. Власти подчеркнули, что жалобы заявителя относительно нарушения статьи 3 следует отклонить по причине того, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты.

44. По существу дела Власти заявили, что заявителю была предоставлена возможность сна между судебными слушаниями (см. пункт 36 выше). Власти также указали, что заявитель обеспечивался питанием в дни его транспортировки в здание суда (см. пункт 37 выше).

45. Заявитель утверждал, что предполагаемые нарушения имели системный характер и что отсутствовало эффективное внутригосударственное средство правовой защиты для их разрешения.

46. По существу дела заявитель указал, что доказательство, представленное Властями, являлось противоречивым и не подтверждало их выводы. Он отметил, что Власти не отрицали, что иногда его возвращали из суда в следственный изолятор после 10 часов вечера. Далее он отметил, что когда судебные слушания проходили каждый рабочий день, в апреле-мае 2005 г., ему не

предоставлялась возможность выспаться на следующий день, как утверждали Власти. Заявитель также привлек внимание Суда к тому, что оглашение приговора проходило в вечернее время. Заявитель утверждал, что ему никогда не выдавалось питание или сухие пайки в дни транспортировки в суд. Он утверждал, что рапорты в отношении сухих пайков и накладные, представленные Властями (см. пункт 37 выше), являлись недостаточным доказательством того, что ему фактически предоставлялось питание в дни транспортировки в суд в течение двух лет судебного разбирательства. Он также оспорил подлинность таких документов и отметил, что данные о количестве лиц, указанные в соответствующих рапортах, не соответствовали количеству сухих пайков, указанному в накладных.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

47. Что касается доводов Властей о неисчерпании внутригосударственных средств защиты, Суд повторяет, что норма об исчерпании внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции обязывает заявителей использовать средства правовой защиты, которые доступны и достаточны в рамках национальной правовой системы, чтобы они могли получить компенсацию за заявленные нарушения. Существование средств правовой защиты должно быть достаточно определенным как теоретически, так и практически, отсутствие чего недопустимо и делает эти средства недействительными. Государство-ответчик, заявляя о неисчерпании средств правовой защиты, обязано с достаточной точностью указать, к каким средствам правовой защиты не прибегнули заявители, и убедить Суд в том, что данные средства правовой защиты были эффективными и доступными в теории и на практике в рассматриваемый период времени, то есть, что они были доступны, могли обеспечить получение компенсации в отношении жалоб заявителей и дать разумные шансы на успешный исход (см. дело *Гулиев против России* (*Guliyev v. Russia*), жалоба № 24650/02, пункты 51-52, 19 июня 2008 г., с дальнейшими ссылками).

48. Суд указывает на свои выводы, сделанные в постановлении по делу *«Ананьев и другие против России»* (*Ananyev and Others v. Russia*) (жалоба № 42525/07 и 60800/08, пункты 100-119, 10 января 2012 г.) о том, что в соответствующий период российская правовая система не предоставляла эффективного средства правовой защиты, которое могло бы использоваться для предотвращения нарушений статьи 3, возникающих в связи с общими условиями содержания под стражей в следственных изоляторах, прекращения таких нарушений и

предоставления заключенным адекватной и достаточной компенсации. В частности, в данном деле Суд подтвердил, что не имелось примеров успешного практического использования средства правовой защиты, предусмотренного главой 25 ГПК, также упомянутого Властями в данном случае, и что в связи с этим средство правовой защиты, указанное в главе 25, являлось неэффективным.

49. Суд также отмечает, что он уже явным образом отклонил довод Властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, основанный на средстве правовой защиты, предусмотренном главой 25 ГПК в отношении жалоб о непредоставлении питания в дни транспортировки в суд и лишения адекватного времени для сна между судебными слушаниями (см. дело *«Стрелец против России» (Strelets)*, упомянутое выше, пункты 47-51) – что является основными проблемами данного дела. В настоящем деле эффективность процедуры, предусмотренной главой 25 Гражданско-процессуального кодекса, не была продемонстрирована каким-либо решением суда, так что Суд не видит причин отделять ее от своих выводов по делам *Ананьев и другие* и *Стрелец*. Таким образом, Суд отклоняет возражение Властей.

50. Кроме того, Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой на каких-либо иных основаниях. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

51. Европейский Суд повторяет, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения потерпевшего (см., например, постановление Европейского Суда по делу *«Лабита против Италии» (Labita v. Italy)* [GC], жалоба № 26772/95, пункт 119, ECHR 2000-IV). Однако, чтобы попасть в сферу действия статьи 3 Конвенции, ненадлежащее обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка указанного минимального уровня относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см., среди других источников, постановление Европейского Суда *«Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. the United Kingdom)* от 18 января 1978 г., пункт 162, серия A № 25).

52. Минимальная степень жестокого обращения включает в себя реальные телесные повреждения или интенсивные физические и нравственные страдания. Однако, даже при отсутствии вышеперечисленного, в тех случаях, когда то или иное обращение унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение к его человеческому достоинству или его принижение, или вызывает у человека чувство страха, тоски или собственной неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление личности, оно может быть охарактеризовано как «унижающее достоинство» и также подпадать под действие запрета, содержащегося в статье 3 Конвенции (см. в числе других источников, дело *«Васюков против России»* (*Vasyukov v. Russia*), жалоба № 2974/05, пункт 59, 5 апреля 2011 г.).

53. Что касается лишения свободы, Суд неизменно подчеркивает, что для того, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, перенесенное страдание или унижение в любом случае должно выходить за пределы неизбежного элемента страданий и унижений, связанных с содержанием под стражей. Государство должно принимать меры к тому, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением к человеческому достоинству, чтобы формы и методы реализации этой меры не причиняли ему лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, и чтобы его здоровье и благополучие – с учетом практических требований режима лишения свободы – обеспечивались надлежащим образом (см. *«Кудла против Польши»* (*Kudla v. Poland*) [GC], жалоба № 30210/96, пункты 92-94, ЕСПЧ 2000-XI, и *«Попов против России»* (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 208, 13 июля 2006 г.).

54. При оценке условий содержания под стражей необходимо учитывать их совокупное действие, а также конкретные утверждения заявителя (см. дело *«Дугоз против Греции»* (*Dougoz v. Greece*), жалоба № 40907/98, пункт 46, ЕСПЧ 2001-II).

55. Утверждения о жестоком обращении должны подкрепляться соответствующими доказательствами. Оценивая доказательства, Суд в целом исходит из критерия доказанности «вне разумных сомнений». Тем не менее такой критерий доказанности может исходить из сосуществования достаточно сильных, ясных и согласованных умозаключений или подобных неоспариваемых презумпций факта (см. дело *«Салман против Турции»* [GC], жалоба № 21986/93, пункт 100, ЕСПЧ 2000-VII).

(b) Применение общих принципов к данному делу

56. Суд отмечает, что в период с июня 2004 г. по июнь 2005 г. заявителя вывозили в Дзержинский районный суд сорок четыре раза

(см. пункт 35 выше). Стороны не оспаривали тот факт, что в дни судебных слушаний заявителя будили в 6 часов утра. Суд также отмечает, что Власти были не в состоянии предоставить данные о точном времени возвращения заявителя в его камеру в следственном изоляторе из здания суда. Тем не менее Власти признали, что в некоторых случаях такое возвращение имело место после 10 часов вечера, и в таких случаях заявителю предоставлялась возможность сна в течение следующего дня. Суд отмечает, что заявитель нередко транспортировался в суд в течение нескольких дней подряд, особенно на завершающих этапах судебного разбирательства, с апреля по июнь 2005 г. Из-за такого графика судебных слушаний предоставить заявителю время для дополнительного сна на следующий день было невозможно.

57. Суд также отмечает, что утверждение заявителя о недостатке сна также подтверждается в определенных рамках ежегодным отчетом Уполномоченного по правам человека за 2005 г. (см. пункт 39 выше). Суд отмечает, что Волгоград является большим городом, что система исполнения наказаний испытывала нехватку тюремных фургонов, и что один и тот же тюремный фургон перевозил сравнительно большую группу заключенных СИЗО в различные суды, расположенные в разных частях города, утром каждого дня и забирали их вечером с целью возврата в СИЗО. Такая система неизбежно приводит к задержкам при транспортировке каждого заключенного и затягиванию периода времени между выводом заключенного из камеры и его возвращением в камеру. Суд также учитывает факт, который не был оспорен Властями, о том, что оглашение приговора началось в 8.30 вечера 7 июня и закончилось в 00.30 ночи 8 июня 2005 г. (см. пункт 31 выше). Это указывает на то, что рабочий день суда не всегда заканчивается в 6 часов вечера, как было указано Властями (см. пункт 36 выше). Следовательно, невозможно точно рассчитать, сколько времени имелось у заявителя для сна в каждый отдельный день, и Суд считает подтвержденным то, что во многих случаях заявитель был лишен адекватного количества времени для сна.

58. Что касается предполагаемого плохого питания, заявитель утверждает, что в дни судебных слушаний он вообще не получал никакой еды - ни в следственном изоляторе, ни в суде. Суд отмечает, что в соответствии с заявлениями Властей, заявитель мог получать обычное питание в следственном изоляторе только в случае его возвращения из суда до 9 часов вечера (см. пункт 37 выше). Суд установил, что во многих случаях заявитель возвращался в следственный изолятор после указанного времени. Отсюда следует, что в такие дни он не получал горячего питания (обедов и ужинов) в следственном изоляторе.

59. Власти утверждали, что заключенные, которые транспортировались в суд, получали обычный (т.е. горячий) завтрак до убытия из следственного изолятора. Данное заявление противоречит утверждению областного Уполномоченного по правам человека о том, что в соответствующий период времени заключенные под стражу лица, в Волгоградской области не получали завтрак в дни их транспортировки в суд (см. пункт 40 выше). Данное утверждение также в некоторой степени противоречит их заявлениям о том, что в «помещении ожидания» следственного изолятора заявителю по его просьбе предоставлялась горячая вода для приготовления сухих пайков (см. пункт 37 выше). Суд также отмечает, что в деле *«Стрелец против России»*, упомянутом выше, Суд рассмотрел аналогичную жалобу в отношении другого подсудимого по делу заявителя, находившегося под стражей в том же следственном изоляторе и транспортируемого в суд в те же дни. Несмотря на их заявления в данном деле, в упомянутом деле Власти не оспаривали утверждения подсудимого о том, что он не получал завтрак в следственном изоляторе перед транспортировкой в суд (там же, пункт 59).

60. На основании дел, рассмотренных Судом, следует, что обычное время транспортировки заключенных из следственных изоляторов не позволяло им получать обычный завтрак в дни судебных заседаний (см., в числе прочих источников, *«Денисенко и Богданчиков против России»* (*Denisenko and Bogdanchikov v. Russia*), жалоба № 3811/02, пункт 108, 12 февраля 2009 г.; *«Светлана Казьмина против России»* (*Svetlana Kazmina v. Russia*), жалоба № 8609/04, пункт 78, 2 декабря 2010 г.; и из последних рассмотренных дел, *«Идалов против России»* (*Idalov v. Russia*) [GC], жалоба № 5826/03, пункт 105, 22 мая 2012 г.). Более того, на основании отчета, подготовленного государственными органами в 2003 г. (см. пункт 41 выше), в дни суда заключенные снимались с довольствия в соответствующих следственных изоляторах. В данном деле Власти не сослались на какие-либо государственные нормы, которые разрешали бы администрации следственного изолятора ИЗ-34/1 действовать иным образом.

61. В данных обстоятельствах, учитывая представленные материалы, Суд не убежден, что заявитель получал обычный завтрак в дни судебных слушаний.

62. Наконец, Власти утверждали, что в дни суда заявителю выдавался сухой паек. Они подтвердили свои заявления определенными документами (см. пункт 37 выше). Тем не менее Суд отмечает, что в заявлениях Властей имелись определенные существенные несоответствия. Во-первых, представленные документы не включали все даты транспортировки заявителя в суд. Во-вторых, количество лиц, указанное в рапортах о сухих пайках, не соответствовало количеству сухих пайков, указанному в накладных за

соответствующие даты. В-третьих, в отношении аналогичной жалобы, поданной другим подсудимым по делу заявителя, Власти представили две накладные от 11 и 20 мая 2005 г. о предоставлении сухих пайков определенному числу заключенных (см. *«Стрелец против России»*, упомянутое выше, пункты 36 и 59), которые не соответствуют накладным за те же даты, представленным в данном деле. В-четвертых, заявление Властей о том, что в дни судебных заседаний заявителю предоставлялась горячая вода, необходимая для приготовления сухого пайка (см. пункт 37 выше) противоречит заявлению областного Уполномоченного по правам человека, который указал, что заключенным в Волгоградской области не предоставлялась горячая вода в соответствующий период времени (см. пункт 40 выше).

63. Суд считает, что вышеупомянутым несоответствиям в заявлениях Властей могло быть дано соответствующее объяснение. Тем не менее Власти не представили Суду такого объяснения.

64. Суд также отмечает, что доказательная ценность представленных Властями документов является сравнительно низкой. Свидетельство, представленное начальником ИЗ-34/1, было выдано 7 мая 2010 г., другими словами, через несколько лет после рассматриваемых событий. Рапорты о сухих пайках и соответствующие накладные были составлены и подписаны только должностными лицами изолятора. Тот факт, что некоторое количество сухих пайков было заказано и получено должностными лицами, не означает, что заявитель получил их. Власти не представили Суду документы, подтверждающие предоставление заявителю сухих пайков. Тем не менее, по-видимому, государственные органы должны иметь документы с подписью заявителя в отношении каждого предоставления сухих пайков (см. пункт 41 выше).

65. В данных обстоятельствах Суд не убежден, что во всех сорока четырех случаях, когда заявитель транспортировался в суд, он получал упакованное и/или обычное питание. В любом случае, Власти не представили доказательств того, что «помещение ожидания» следственного изолятора или охранная зона здания суда были оборудованы для подогрева и употребления пищи в соответствующий период времени (см. дело *«Стрелец против России»*, упомянутое выше, пункт 60, с дальнейшими ссылками). Суд придает большое значение ежегодному отчету за 2005 г. независимого должностного лица - Уполномоченного по правам человека (см. пункт 39 выше), в основном подтверждающему утверждения заявителя. Наконец, не имеется доказательств того, что заявитель покупал и приносил собственные продукты питания в зал суда.

66. Суд отмечает, что он ранее усматривал нарушение статьи 3 Конвенции во многих российских делах в отношении содержания заявителей в помещениях временного содержания в зданиях суда в

стесненных условиях и отсутствия надлежащего питания в дни судебных заседаний (см. в числе прочих источников, *«Власов против России»*, жалоба № 78146/01, пункт 96, 12 июня 2008 г.; *«Салманов против России»*, жалоба № 3522/04, пункт 64, 31 июля 2008 г.; и *«Старокадомский против России»*, жалоба № 42239/02, пункт 58, 31 июля 2008 г.).

67. Учитывая вышесказанное, Суд считает, что при обстоятельствах настоящего дела совокупное воздействие недостатка питания и недостаточного сна в дни судебных слушаний было настолько сильным, что вызвало у заявителя физические страдания и психическое утомление. В дальнейшем это, должно быть, было усилено тем фактом, что вышеуказанное обращение имело место во время судебного процесса над заявителем, то есть в период, когда он более всего нуждался в концентрации внимания и умственной активности. Поэтому Суд заключил, что заявитель был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции (см. схожее обоснование в деле *«Стрелец против России»*, упомянутом выше, пункт 62).

68. Соответственно, в деле имело место нарушение данной статьи.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

69. Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, что заключение его под стражу не было основано на соответствующих и достаточных основаниях. Статья 5 § 3 гласит следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 настоящей Статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда»

A. Доводы сторон

70. Власти сочли, что национальные судебные инстанции должным образом обосновали содержание заявителя под стражей. Они подчеркнули, что риск того, что заявитель скроется, был реальным, так как заявитель стремился избежать следствия и был объявлен в розыск.

71. Заявитель утверждал, что до 7 октября 2003 г. он не знал о возбуждении уголовного дела в отношении него или о том, что он объявлен в розыск, после чего он немедленно явился в следственный отдел Волгоградской областной прокуратуры 8 октября 2003 г. Там он и был задержан. Отсутствуют какие-либо доказательства того, что во время его отсутствия следственный орган пытался вручить ему

судебную повестку по месту его работы или проживания или узнать о его местонахождении. Поэтому довод Властей о том, что заявитель «стремился скрыться» от следствия, был безосновательным. Более того, следователь получил первое постановление о заключении под стражу от 8 октября 2003 г. в отсутствие заявителя обманным путем и в нарушение принципа равенства сторон, так как в соответствующий момент времени заявитель уже находился под стражей в помещении прокуратуры. «Оперативная информация» правоохранительных органов о его местопребывании за границей была полностью неподтвержденной.

72. Заявитель также утверждал, что доводы, приведенные национальным судом в обоснование применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, не были подтверждены объективными фактами. Суд сослался на тот факт, что заявитель был объявлен в международный розыск до его задержания; тем не менее суды отказали в рассмотрении законности его объявления в международный розыск, о чем свидетельствуют постановления о заключении под стражу от 15 марта 2003 г. и 26 октября 2004 г., а также кассационное определение от 25 января 2005 г. Заявитель жаловался, что 25 февраля 2005 г. срок его содержания под стражей был продлен, несмотря на то, что к тому времени прокурор более не считал это необходимым.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

73. Суд также отмечает, что Власти не выдвинули никаких возражений касательно приемлемости данной жалобы. Суд указывает также на то, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 (а) статьи 35 Конвенции, и что она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

74. При определении длительности содержания под стражей в рамках пункта 3 статьи 5 Конвенции необходимо рассматривать период, начавшийся в дату заключения обвиняемого под стражу и оканчивающийся в дату окончания судебного разбирательства, даже в суде первой инстанции (см. дело «Панченко против России» (*Panchenko v. Russia*), жалоба № 45100/98, § 91, 8 февраля 2005 г.; дело Лабита, упомянутое выше, пункты 145 и 147; а также «Вемхофф

против Германии" (*Wemhoff v. Germany*), 27 июня 1968, пункт 9, Серия А № 7).

75. Согласно прецедентной практике Суда, вопрос обоснованности срока заключения не может решаться *in abstracto*. Вопрос о том, надлежит ли оставлять обвиняемого под стражей, должен оцениваться в соответствии с особенностями каждого дела. Непрерывное содержание под стражей в конкретном случае может обосновываться определяющими признаками явного требования общественного интереса, оправдывающего, с должным учетом принципа презумпции невиновности, отступление от принципа уважения свободы личности (см. среди других примеров «*В. против Швейцарии*» (*W. v. Switzerland*), постановление от 26 января 1993 г., Серия А № 254-А, и «*Пантано против Италии*» (*Pantano v. Italy*), жалоба № 60851/00, пункт 66, 6 ноября 2003 г.).

76. Устойчивость вполне оправданного подозрения, что задержанный человек совершил преступление, является *sine qua non* (Прим. переводчика: необходимым) условием законности продления срока содержания под стражей, но спустя определенный период времени его становится недостаточно. В таких случаях Суд должен установить, имелись ли у судебных властей иные причины, которые обосновывали бы лишение свободы. Если такие причины являлись «релевантными» и «достаточными», Суд должен также установить, проявили ли компетентные государственные власти «особую тщательность» при судебном разбирательстве (см. дело *Лабита*, упомянутое выше, пункты 152 -153). Обоснование любого периода содержания под стражей, независимо от того, насколько он короткий, должно быть убедительно представлено властями (см. дело «*Шшишков против Болгарии*» (*Shishkov v. Bulgaria*), жалоба № 38822/97, пункт 66, ECHR 2003-I). Когда принимается решение о том, должен ли человек быть освобожден или заключен под стражу, власти обязаны рассмотреть альтернативные меры, обеспечивающие явку в суд (см. дело «*Яблонски против Польши*» (*Jablonski v. Poland*), жалоба № 33492/96, пункт 83, 21 декабря 2000 г.).

(b) Применение общих принципов к данному делу

(i) Период времени, который необходимо принять во внимание

77. Заявитель был заключен под стражу 8 октября 2003 г. 7 июня 2005 г. он был осужден. Общая продолжительность предварительного заключения составила один год, семь месяцев и тридцать дней.

(ii) Основания для продления срока содержания под стражей

78. Суд начнет анализ посредством краткого перечисления основных фактов дела о содержании заявителя под стражей в период

расследования и в ходе судебного разбирательства. Первоначально заявитель был взят под стражу в октябре 2003 г., так как он подозревался в совершении уголовного преступления и предположительно стремился скрыться от следствия после возбуждения в отношении него уголовного дела и объявления его в розыск (см. пункт 10 выше).

79. В дальнейшем срок содержания заявителя под стражей в период следствия продлевался в ноябре 2003 г. и марте 2004 г. на основании тяжести предъявленных ему обвинений и того факта, что до ареста он был объявлен в международный розыск, что давало суду достаточные основания полагать, что, находясь на свободе, заявитель может стремиться препятствовать разбирательству. При таких обстоятельствах суд постановил, что применение меры пресечения, не связанной с лишением свободы, не представлялось возможным (см. пункты 13 и 15 выше).

80. Суд также отмечает, что в период рассмотрения дела в суде с 30 мая по 14 июня 2004 г. заявитель оставался под стражей вообще без какого-либо судебного постановления, и позже, в период с 14 июня по 26 октября 2004 г., его содержание под стражей не было обосновано какими-либо доводами (см. пункты 17 и 21 выше).

81. Впоследствии содержание заявителя под стражей в период рассмотрения дела в суде продлевалось четыре раза на основании тяжести предъявленных ему обвинений и тяжести потенциального наказания, а также ввиду того, что суду необходимо было закончить полное изучение доказательств. В одном случае прокурор принял сторону защиты и предложил альтернативную меру пресечения без лишения свободы, но суд распорядился о продлении периода содержания обвиняемого под стражей (см. пункты 22, 27, 28 и 29 выше).

82. В течение всего периода нахождения заявителя под стражей в период рассмотрения дела суд выносил коллективные постановления о содержании под стражей в отношении заявителя и трех других подсудимых.

83. Остается выяснить, удалось ли национальным судам установить и убедительно продемонстрировать существование конкретных фактов в подтверждение их выводов о том, что заявитель мог скрыться или воспрепятствовать отправлению правосудия каким-либо иным образом. Суд повторяет в этой связи, что на национальных властях лежит обязанность установить существование конкретных фактов, которые могут стать основанием для продления срока содержания под стражей. Перекладывание на задержанное лицо бремени доказательства этих аргументов равносильно отмене правила статьи 5 Конвенции, которая объявляет заключение под стражу исключением из права на свободу, отступление от которого допустимо только в

строго определенных случаях и в строго определенных делах (см. дело «Рохлина против России» (*Rokhlina v. Russia*), жалоба № 54071/00, § 67, 7 апреля 2005 г.; и «Федоренко против России» (*Fedorenko v. Russia*), жалоба № 39602/05, пункт 68, 20 сентября 2011 г.).

84. Что касается ссылки национальных органов на тяжесть обвинений в качестве решающего довода, Суд неоднократно заявлял, что эта причина не может сама по себе обосновать длительные периоды содержания под стражей. Хотя суровость возможного приговора является важным фактором при оценке вероятности побега или повторного нарушения закона, необходимость продления срока лишения свободы не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения, когда во внимание принимается одна лишь тяжесть преступления. Продление содержания под стражей не может также использоваться в ожидании назначения наказания в виде лишения свободы (см., среди последних дел, дело «Федоренко против России», упомянутое выше, пункт 67). Это особенно верно в делах, подобных настоящему, где характеристика фактов по закону (и, следовательно, приговор, вынесенный заявителю) определялась стороной обвинения без судебного рассмотрения того, поддерживают ли собранные доказательства обоснованное подозрение в совершении заявителем вменяемого ему преступления (см. дело *Рохлиной*, упомянутое выше, пункт 66).

85. Внутригосударственные суды пытались продемонстрировать существование риска того, что заявитель скроется или будет препятствовать судебным разбирательствам, ссылаясь на факт объявления заявителя в международный розыск после возбуждения соответствующего уголовного дела. Тем не менее сам факт «объявления в розыск» не означает, что лицо скрывается. Важным фактором оценки риска сокрытия является фактическое поведение подозреваемого, а не его официальный статус «лица, находящегося в розыске». В настоящем деле внутригосударственный суд не рассмотрел аргумент заявителя о том, что его объявление в розыск было незаконным и что до 7 октября 2003 г. он не знал и не мог знать о возбуждении в отношении него уголовного дела. «Оперативная информация», которая послужила основанием для объявления заявителя в розыск, не была проверена в ходе судебных разбирательств, и как таковая, отсылка к такой «информации» не дает возможности в достаточной мере прояснить ситуацию и подтвердить вывод о том, что заявитель скрывался (см., *mutatis mutandis*, «Говорухин против России» (*Govorushko v. Russia*), жалоба № 42940/06, пункты 41 и 46, 25 октября 2007 г., и «Алексамян против России» (*Aleksanyan v. Russia*), жалоба № 46468/06, пункт 187, 22 декабря 2008 г.). Это тем более верно в данном случае, когда «оперативная информация» о местопребывании заявителя (в

Великобритании или Канаде) оказалась неточной, учитывая что заявитель был арестован в городе его проживания в России. Из документов также следует, что национальный суд совсем не обратил внимания на обстоятельства ареста заявителя, которые, по мнению Суда, являлись важным фактором в оценке поведения и намерений заявителя, а также возможных рисков, которым он может подвергаться обычный ход судебных разбирательств. Следовательно, данный аспект дела не может служить основанием для выводов внутригосударственных судов о том, что заявитель мог скрыться от правосудия.

86. Внутригосударственные суды также ссылались на «характер» и «личность» заявителя. Тем не менее внутригосударственные суды не давали подробного описания личности или характера заявителя. Более того, они не упоминали никаких фактов, возникших в деле заявителя, или доказательств, подтверждающих их выводы о том, что его «характер» или «личность» оправдывали продолжительное содержание заявителя под стражей. Суды нигде не указали, почему, несмотря на доводы, выдвинутые заявителем и его защитой в обоснование ходатайств об освобождении, они сочли, что угроза его побега или воспрепятствования правосудию существует и является решающим фактором.

87. Суд также усматривает, что суды надлежащим образом не учли ход разбирательства. Таким образом, предварительное следствие по данному делу закончилось к 31 мая 2004 г. (см. пункт 16 выше), но заявитель оставался под стражей еще один год, до момента вынесения приговора 7 июня 2005 г., хотя сторона обвинения не усматривала необходимости в продолжении применения меры пресечения в виде заключения под стражу (см. пункт 28 выше). В связи с этим Суд напоминает, что если на начальных этапах расследования риск того, что обвиняемый может нарушить отправление правосудия, может оправдать содержание его под стражей, то после того, как были собраны доказательства, это основание становится не таким очевидным (см. «Мамедова против России» (*Mamedova v. Russia*), жалоба № 7064/05, пункт 79, 1 июня 2006 г.). Аргумент, представленный судом - а именно то, что он еще на завершил рассмотрение доказательств - не относился к делу: тот факт, что суд все еще слушает дело, не препятствует освобождению подсудимого.

88. Наконец, Суд отмечает, что суды выносили коллективные постановления о заключении под стражу в отношении заявителя и других подсудимых без оценки оснований для заключения под стражу каждого из них по отдельности. Суд уже усмотрел, что такая практика несовместима с пунктом 3 статьи 5 Конвенции (см., в числе прочих источников, «Сизов против России» (*Sizov v. Russia*), жалоба № 33123/08, пункт 54, 15 марта 2011 г.; «Юрий Яковлев против России»

(Yuriy Yakovlev v. Russia), жалоба № 5453/08, пункт 86, 29 апреля 2010 г.; и «Сорокин против России» (Sorokin v. Russia), жалоба № 7739/06, пункт 67, 30 июля 2009 г.).

89. Учитывая имеющиеся в его распоряжении материалы и вышеприведенные факторы, Суд считает, что национальные суды не продемонстрировали убедительно существование какой-либо подлинной необходимости защиты общественного интереса, которая перевесила правило уважительного отношения к свободе личности в деле заявителя. Даже хотя некоторые причины, приведенные для продления срока содержания заявителя под стражей, «имели отношение к делу», они не являлись явным образом «достаточными» для обоснования содержания заявителя под стражей в течение всего соответствующего периода. В данных обстоятельствах нет необходимости рассматривать, было ли судебное разбирательство проведено с «особой тщательностью».

90. Соответственно имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

91. Заявитель дополнительно жаловался, что вопрос о законности содержания его под стражей в соответствии с постановлением суда от 26 октября 2004 г. не был рассмотрен безотлагательно. Он ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Доводы сторон

92. Власти объяснили длительность рассмотрения кассационной жалобы заявителя на решение от 26 октября 2004 г. тем, что другие подсудимые и их представители также подали жалобы на вышеуказанное решение, в связи с чем суд кассационной инстанции должен был добиться присутствия всех заинтересованных сторон. Так как заседание, запланированное на 21 декабря 2004 г. было перенесено по запросу стороны защиты, последующая задержка была не по вине властей. 14 апреля 2005 г. кассационное определение от 25 января 2005 г. было отменено Президиумом Волгоградского областного суда на основании надзорной жалобы, поданной одним из подсудимых по делу заявителя, следовательно, власти не несут ответственность за период последующих кассационных разбирательств.

93. Заявитель настаивал на своей жалобе и указал, что указанные задержки были допущены полностью по вине внутригосударственных органов.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

94. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

95. Суд повторяет, что пункт 4 статьи 5, гарантируя арестованным и задержанным лицам право на оспаривание законности такого задержания, также провозглашает их право, после возбуждения такого разбирательства, на вынесение безотлагательного судебного решения относительно законности задержания и постановления о его прекращении, если такое указание окажется незаконным. Хотя это не обязывает Договаривающиеся государства устанавливать второй уровень юрисдикции для рассмотрения законности содержания под стражей, государство, устанавливающее такую систему должно предоставить заключенным, главным образом, такие же гарантии при в кассационной инстанции, как и при рассмотрении жалобы в первой инстанции (см. дело «*Наварра против Франции*» (*Navarra v. France*), 23 ноября 1993 г., пункт 28, Серия А № 273-В, и дело «*Тот против Австрии*» (*Toth v. Austria*), 12 декабря 1991 г., пункт 84, Серия А № 224). Необходимость "своевременного" вынесения решения, несомненно, является одной из таких гарантий; тогда как один год для каждого уровня юрисдикции может являться приближенным к практике правилом в делах в соответствии с пунктом 1 статьи 6, пункт 4 статьи 5 в отношении вопросов свободы требует отдельного изучения (см. «*Хатчинсон Рейд против Великобритании*» (*Hutchison Reid v. the United Kingdom*), жалоба № 50272/99, пункт 79, ЕСПЧ 2003-IV). В данном контексте Суд также отмечает наличие особой необходимости в безотлагательном решении, определяющем законность содержания под стражей в случаях, когда судебное разбирательство продолжается, поскольку обвиняемый должен полностью воспользоваться презумпцией невиновности (см. дело

«Иловецкий против Польши» (*Howieski v. Poland*, жалоба № 27504/95, пункт 76, 4 октября 2001 г.).

96. Хотя количество дней, необходимых для осуществления соответствующих процедур, безусловно, важный элемент, сам по себе он не является решающим в вопросе о том, было ли постановление вынесено с требуемой безотлагательностью (см. «Мери против Нидерландов» (*Merie v. the Netherlands*), жалоба № 664/05, 20 сентября 2007 г.). Прежде всего принимаются во внимание усердие, продемонстрированное властями, отсрочка по вине заявителя, и любые другие факторы, вызывающие отсрочки, за которые Власти не несут ответственности (см. дело Яблонского, упомянутое выше, пункты 91-94, и «Г.Б. против Швейцарии» (*G.B. v. Switzerland*), жалоба № 27426/95, пункты 34-39, 30 ноября 2000 г.).

(b) Применение общих принципов к данному делу

97. Суд отмечает, что кассационная жалоба заявителя на постановление о заключении под стражу от 26 октября 2004 г. была впервые рассмотрена 25 января 2005 г. Власти не заявили о том, что заявитель с задержкой подал жалобу на постановление о заключении под стражу. Также они не представили никакого доказательства того, что подав указанную жалобу, заявитель сам способствовал каким-либо задержкам при ее рассмотрении. Учитывая причины переноса заседания суда кассационной инстанции, запланированного на 21 декабря 2004 г. (см. пункт 23 выше), становится ясно, что общая задержка в ходе указанных разбирательств была полностью обусловлена государственными органами. Производство в суде кассационной инстанции длилось почти три месяца, и такой период в полной мере обусловлен действиями властей.

98. Суд повторяет, что он усмотрел нарушение пункта 4 статьи 5 в российских делах, в которых кассационное производство длилось двадцать (см. «Бутусов против России» (*Butusov v. Russia*), жалоба № 7923/04, пункты 32-35, 22 декабря 2009 г.), двадцать шесть (см. дело Мамедовой, упомянутое выше, пункт 96) или двадцать семь дней (см. «Пичугин против России» (*Pichugin v. Russia*), жалоба № 38623/03, пункты 154-156, 23 октября 2012 г.), подчеркивая, что все указанные сроки были полностью обусловлены властями.

99. Учитывая установившуюся прецедентную практику по данному вопросу и обстоятельства данного дела, Суд считает, что период, составляющий три месяца, не может рассматриваться в качестве приемлемого в соответствии с требованием «своевременности» пункта 4 статьи 5. В свете вышеприведенного вывода Суду нет необходимости рассматривать последующие разбирательства, которые имели место в отношении рассмотрения законности постановления суда от 26 октября 2004 г. (см. пункты 25 и 26 выше).

100. Таким образом, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

IV. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

101. Наконец, заявитель жаловался согласно пункту 1 статьи 5 Конвенции на предполагаемую незаконность его ареста, согласно пункту 5 статьи 5 - на недостаточное возмещение за его незаконное содержание под стражей с 30 мая по 14 июня 2005 г.; согласно статье 6 - на длительность разбирательства и выводы внутригосударственных судов; согласно статье 7 - на его ошибочное обвинение; и согласно статье 8 - на то, что при рассмотрении вопроса о заключении его под стражу не было принято во внимание его семейное положение. Он также жаловался согласно статье 13 на отсутствие эффективного средства правовой защиты в отношении продолжительного содержания его под стражей и продолжительности разбирательств по уголовному делу.

102. Европейский Суд рассмотрел вышеуказанные жалобы, представленные заявителем. Однако, в свете всех имеющихся в его распоряжении материалов, и в той степени, в которой обжалуемые вопросы находятся в его компетенции, Суд считает, что они не свидетельствуют о наличии нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции и в Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

103. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд устанавливает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность, лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

104. Заявитель потребовал компенсации материального ущерба в сумме 200 000 евро, половина этой суммы представляет собой заработную плату, которую бы он получил в период с октября 2003 г. по октябрь 2005 г., если бы не содержался под стражей, и вторая половина указанной суммы, по его мнению, является соответствующей компенсацией за ущерб, причиненный его здоровью. Заявитель дополнительно потребовал компенсации в сумме 200 000 евро за

моральный ущерб, причиненный ему в результате чрезмерной продолжительности судебных разбирательств, отсутствия достаточных причин его продолжительного содержания под стражей, недостатка питания и недостаточного времени для сна в дни судебных слушаний.

105. Власти утверждали, что между установленными нарушениями и материальным ущербом, в отношении которого заявителем подан иск, отсутствовала какая-либо причинная связь. Что касается требований заявителя в отношении морального вреда, Власти указали, что они являются чрезмерными.

106. Суд не усматривает какой-либо причинно-следственной связи между признанными нарушениями и требуемой компенсацией материального ущерба; таким образом, Суд отклоняет данное требование. Что касается морального вреда, Суд считает, что заявитель должен был испытать страдания и чувство бессилия в результате нарушений пунктов 3 и 4 статей 3 и 5, установленных в данном деле. Тем не менее, заявленная им сумма представляется завышенной. Принимая решение на основании принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

Б. Расходы и издержки

107. Заявитель также подал иск на выплату 600 000 российских рублей (примерно 15 000 евро) в качестве компенсации за расходы по представлению его интересов в Суде. Он представил копию соглашения (№ 5/513) с С. Мазаевой от 10 мая 2005 г. и квитанцию, подтверждающую уплату 500 000 рублей в соответствии с указанным соглашением в пользу Волгоградской коллегии адвокатов, членом которой является С. Мазаева. Он дополнительно потребовал компенсацию почтовых расходов в сумме 4 198 рублей, понесенных в Суде, и представил почтовую квитанцию.

108. Власти утверждали, что заявленные расходы были необоснованы.

109. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой он доказал, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В данном деле, учитывая полученные документы и вышеуказанные критерии, Суд полагает, что разумно присудить сумму 6 100 евро, покрывающую расходы на судебные разбирательства плюс налог, который может взиматься с данной суммы.

В. Проценты за просрочку платежа

110. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Объявляет* приемлемой:
 - (а) жалобу согласно статье 3 Конвенции в связи с тем, что заявителю не было предоставлено адекватное питание и достаточное время для сна в дни его участия в судебных заседаниях;
 - (б) жалобу согласно пункту 3 статьи 5 в связи с тем, что судами не были приведены достаточные основания для длительного содержания заявителя под стражей;
 - (с) жалобу согласно пункту 4 статьи 5 в связи с тем, что рассмотрение жалоб заявителя на законность содержания его под стражей согласно постановлению суда от 26 октября 2004 г. не было безотлагательным;
2. *Объявляет* остальную часть жалобы неприемлемой.
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с тем, что национальные власти не предоставили заявителю адекватное питание и достаточное время для сна в дни его участия в судебных заседаниях;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении того, что национальный суд не представил достаточных оснований для продолжительного содержания заявителя под стражей;
5. *Постановляет*, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с несоблюдением принципа безотлагательности при пересмотре законности постановления о заключении заявителя под стражу от 26 октября 2004 г.;
6. *Постановляет*:
 - (а) что в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции государство-ответчик обязано выплатить заявителю следующие

суммы, подлежащие переводу в российские рубли по курсу на день выплаты:

- (i) 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма;
- (ii) 6 100 евро (шесть тысяч сто евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
- (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанных сумм выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процента;

7. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке; уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 5 декабря 2013 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель